

тавшую под руководством Н. А. Львова и, вероятно, по его эскизам.

С. О. Кузнецов (Русский музей) посвятил свой доклад «Чесма турецкая и Чесма петербургская — великое морское сражение в памятниках литературы и искусства XVIII—XIX веков» проблеме отображения Чесменской битвы в произведениях искусства. Докладчик показал, как в изобразительном искусстве (живопись, архитектура, прикладное искусство) и литературе интерпретировалось реальное историческое событие.

Д. В. Болотова (Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина) в докладе «Портретные изображения на виньетках к стихотворениям Державина» говорил о том, что виньетки, созданные по программам Н. А. Львова при непосредственном участии самого Державина, имеют различные функции. Анализ портретных

изображений на виньетках (их 30) убедил Д. В. Болотова, что между виньетками, по замыслу Державина, существует определенная связь, помогающая установить внутреннюю соподнесенность стихотворений, которые они иллюстрируют.

Г. А. Милошевский (Государственный музей Татарстана) в сообщении «Державинский комплекс в фондах музея» рассказал о державинских вещах, хранящихся в Казани, и об истории памятника Державину, сооруженного в 1846 году по проекту К. Тона и уничтоженного в 1932 году.

Завершая заседание, С. М. Некрасов отметил плодотворность проведенной работы, выразив надежду на дальнейшее сотрудничество собравшихся на Чтениях специалистов.

Н. Ю. Алексеева

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАРИЙ «ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

28 февраля 1991 года в день столетия со дня рождения одного из крупнейших русских поэтов и мыслителей XX века Вячеслава Иванова в Библиотеке Академии наук СССР открылось очередное заседание научно-теоретического семинария «Из истории отечественной книжной культуры», посвященное его памяти. De facto это была двухдневная конференция, проведенная впервые на родине поэта в то время, как аналогичные научные заседания неоднократно имели место в Италии, США, Германии.

К сожалению, не все из приглашенных смогли выступить (по разным причинам в работе семинария не участвовали С. С. Аверинцев, О. А. Кузнецова, А. Е. Парнис, Е. С. Полещук). Несмотря на это обстоятельство, программу конференции следует признать весьма насыщенной (в течение двух дней было прочитано 10 докладов).

Открыл заседание семинария В. П. Леонов, директор Библиотеки Академии наук СССР.

Дим. Вяч. Иванов, начиная выступление, сообщил о своем желании изменить тему доклада и, вместо общих рассуждений о поэзии отца, предложить вниманию аудитории конкретный историко-литературный сюжет. Им стали два письма Вяч. Иванова и Ф. А. Степуна, которыми корреспонденты обменялись в 1925 году (хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова). Письмо Вяч. Иванова посвящено, в первую очередь, оценке послереволюционных событий в России и позволяет более точно воссоздать его отношение к большевизму, чему способствовали обширные цитаты, приведившиеся докладчиком («молчание там оставляет привкус рабства», «это

все растущий поток греха», «главное „дело пролетариата“ — заглушить в сердце Бога» и т. д.). Ответное послание Ф. А. Степуна содержит интереснейшую информацию о своеобразной и малоизученной культурной атмосфере «русской Праги» 1920-х годов (общественные лекции, деятельность студенческих организаций и т. д.). Оба корреспондента также весьма критически отзывались о набравшем в те годы силу евразийском движении.

Доклад Н. В. Котрелева «К истории издания переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сафо» (Москва) продолжает цикл его работ, в которых восстанавливается история творческих взаимосвязей Вяч. Иванова с «Издательством М. и С. Сабашниковых». В конце 1912 года поэт предложил издательству тетрадь переводов из греческих лириков, выполненных задолго до того «для себя», «в стол». Издатель (владевший классическими языками, знавший и любивший древних поэтов) и его консультанты — М. О. Гершензон, В. О. Нилендер — приняли переводы Иванова восторженно. В. О. Нилендер в это время готовил (под редакцией Ф. Е. Корша) большую антологию русских переводов из греческой лирики; в нее решено было включить и опыты Вяч. Иванова, которому были одновременно заказаны новые переложения. Раздел Алкея и Сафо постепенно разросся до размеров книги, вышедшей вскоре двумя изданиями. В издательском архиве Н. В. Котрелевым выявлена наборная рукопись третьего издания сборника. Эта его окончательная версия подготовлена докладчиком в печать. Что касается антологии Нилендера, то она так и не вышла в свет. Причиной тому были постоянные перемены

в самом замысле труда, смена редакторов (после смерти Корша им стал Вяч. Иванов, потом — Г. Церетели), конфликт между Вяч. Ивановым и В. О. Нилендером, уничтожение меценатского издательства в 1920-е годы. Собранные материалы были использованы В. О. Нилендером при выпуске его известной хрестоматии, где помещены и оставшиеся в распоряжении филолога переводы Вяч. Иванова из ранних греческих поэтов. Сохранившиеся «сабашниковские» корректуры позволили Н. В. Котрелеву не только просанить хронологию работы над двумя книгами, но и обнаружить несколько забытых ивановских переводов.

В докладе А. С. Чемии «Цикл сонетов Вяч. Иванова „Голубой покров“» (Тбилиси) была предпринята попытка имманентного анализа ряда стихотворений из книги Вяч. Иванова «Сог арденс». По мнению исследовательницы, в основе композиции цикла лежит принцип постоянного варьирования одной темы (поиск земли обетованной) со слабо выраженным диалектическим развитием; общий же символический строй цикла позволяет отойти от биографических описаний, отражает душевные изменения внутренней жизни лирического героя.

Г. В. Обатнин (Пушкинский Дом) в своем сообщении «Об одной неопубликованной статье Вяч. Иванова по поводу полемике о „мистическом анархизме“», завершая первый день работы семинария, уделил главное внимание малоизвестному эпизоду полемики, занимавшей писательские круги Петербурга и Москвы в 1907 году. В результате анализа черновиков двух неопубликованных статей Вяч. Иванова, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, исследователь детализировал позицию поэта в вопросе о «мистическом анархизме», которая после размежевания с московской группой символистов претерпела ряд изменений. После выступления Г. И. Чулкова во французском журнале «Mercure de France» 16 июля 1907 года Вяч. Иванов пересмотрел свое отношение к литературной программе журнала «Весь»; однако к новому сближению с кругами московских символистов это не привело.

Второй день работы семинария был открыт докладом профессора Миланского университета Ф. Мальковати «Вяч. Иванов и Италия», в котором рассматривались связи русского гуманиста с кругами итальянской гуманитарной интеллигенции. В фокусе внимания ученого оказался следующий сюжет — переписка в 1940-е годы Вяч. Иванова с Р. Кюфферле, предшествовавшая появлению в 1946 году итальянского перевода мелопеи Вяч. Иванова «Человек» (эти неопубликованные документы в настоящий момент хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова). Особенный интерес сотрудничеству автора и переводчика придает тот факт, что Вяч. Иванов делал существенные поправки в итальянском варианте своего произведения. Исследователь детально проанализировал стилистические изменения, внесенные Вяч. Ивановым в текст мелопеи, что дает интересный материал для понимания ее замысла.

Сообщение сотрудника Пушкинского Дома А. В. Лаврова «Вяч. Иванов в „Воспоминаниях“ С. В. Троцкого» было посвящено истории дружбы Вяч. Иванова с малоизвестным литератором-дилетантом, который в 1934 году написал, по

предложению В. А. Мануйлова, мемуары о своих встречах с выдающимися литераторами начала XX столетия. Первоначально эта рукопись предназначалась для продажи в Литературный Музей, о чем существовала предварительная договоренность с его директором В. Д. Бонч-Бруевичем. Однако по окончании работы С. В. Троцкий изменил свое намерение — несмотря на то, что он безвозмездно передал свои воспоминания В. А. Мануйлову, считая, что сведения, содержащиеся в них, не должны быть доступны в ближайшем будущем читателям Литмузея. В настоящее время «Воспоминания» С. И. Троцкого готовятся докладчиком к печати.

Доклад автора стихов и редактора ленинградской газеты «Экоинтер» В. А. Никитина Вяч. Иванов и Ф. И. Тютчев» содержал анализ философских образов в художественном наследии двух поэтов и подчеркивал особое значение их творчества для возрождения духовности в современном обществе.

В сообщении А. М. Грачевой «Вяч. Иванов как учитель жизни: Из истории взаимоотношений с С. П. Ремизовой-Довгелло» (Пушкинский Дом) анализировалось особое культурное значение личности Вяч. Иванова для современников. На основе письма С. П. Ремизовой-Довгелло к Вяч. Иванову от 1 марта 1909 года было показано изменение представления о назначении художника-творца в сознании русских символистов, раскрыта жизнестроительная миссия Вяч. Иванова в судьбе А. М. Ремизова, его увлечении древнерусской культурной традицией.

Краткое выступление В. А. Дымшица (внучатого племянника известного филолога М. С. Альтмана) представляло мемуарный рассказ о беседах двух родственников в 1970—1980-е годы о том, какое место в жизни ученого занимали встречи с Вяч. Ивановым первой половины 1920-х годов. Это сообщение фактически было прологом к завершившему работу семинария докладу сотрудника Пушкинского Дома К. Ю. Лаппо-Данилевского «Стихотворный диалог Вячеслава Иванова и Моисея Альтмана». Данная тема возникла в результате подготовки исследователем к печати полного текста «Разговоров с Вяч. Ивановым» Моисея Альтмана (1920-1922 годы; будут опубликованы в русско-итальянском альманахе «Конвивиум») — своеобразного литературного памятника, продолжавшего традицию «Разговоров с Гете» И. Эккермана. В сонетном диалоге отразилась сложная история взаимоотношений поэта-ученого и его ученика — от преклонения (со стороны последнего) в первые годы знакомства до полного разрыва в 1924 году. Обращение к автографам стихотворений Вяч. Иванова, хранящихся в архиве М. С. Альтмана, позволяет внести некоторые коррективы в их печатный текст в «Собрании сочинений» Вяч. Иванова (Брюссель, 1987. Т. 4), установить даты написания; для верного понимания замысла поэта необходимо также изменить очередность сонетов (их правильная последовательность: «Мятежному добро ль ученику...» (10.IV.1923); «Я с младостью живой не разоречу...» (12.IV.1923); «Эли-Мойше, ты с эллином был эллин...» (14.IV.1923).

Проведение специальной научной конференции, посвященной памяти Вяч. Иванова, следует признать незаурядным событием культурной

жизни города на Неве, однако в подборе докладов все же ощущался некоторый эклектизм — с одной стороны, специалисты, зарекомендовавшие себя не одной серьезной работой, с другой — те, кто утверждал, что их цель «поближе узнать стихи Вяч. Иванова» (дословное признание одного из

выступавших). Подлинной радостью для всех, следивших за работой семинария, было участие в нем Дим. Вяч. Иванова, его неизменно любезные ответы, замечания мемуарного характера.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА

11 февраля 1991 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялись ежегодные Чтения Рукописного отдела, посвященные памяти Анатолия Дмитриевича Алексеева (7 ноября 1922—12 сентября 1990).^{*} В работе Чтений приняли участие сотрудники Пушкинского Дома.

Открывая первое заседание, В. П. Бударгин отметил, что ежегодные Чтения Рукописного отдела всегда ожидаются как праздник, и не только отдела, но и всего Пушкинского Дома. В этом году праздник был омрачен безвременной кончиной старейшего сотрудника Рукописного отдела А. Д. Алексеева, подвизника и старателя, так и не дождавшегося выхода в свет своих главных научных трудов.

Присутствовавшие почтили память А. Д. Алексеева минутой молчания.

Вступительное слово, произнесенное Л. А. Дмитриевым, было посвящено обстоятельствам личной и научной биографии А. Д. Алексеева. Окончив школу в 1940 году в Новгороде, он был призван в армию — и прошел всю войну, включая японскую кампанию. Докладчик отметил типичность этого пути для поколения родившихся в начале двадцатых и подпавших под так называемый ворониловский призыв (т. е. положение об обязательной военной службе с 18 лет). После демобилизации в 1947 году А. Д. Алексеев поступает в Герценовский институт. По окончании его в 1951 году он некоторое время работает старшим библиотекарем в Публичной библиотеке, экскурсоводом в Ленинградском экскурсионном бюро. 26 апреля 1952 года он подает заявление на имя директора Пушкинского Дома (Н. Ф. Бельчикова) с просьбой о принятии на временную работу экскурсоводом в музей. С этого момента — и на всю жизнь — он связал свою судьбу с Институтом: с мая 1952 по декабрь 1956 года работал в музее — экскурсоводом, хранителем живописных и скульптурных фондов, с января 1957 — в секторе библиографии и источниковедения, с февраля 1965 по январь 1969 — в Тургеневской группе. С января 1969 года началась его служба в Рукописном отделе. Об

интенсивности и плодотворности работы А. Д. Алексеева в эти годы свидетельствует количество его печатных трудов: в 1960 году выходят «Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова» и «И. А. Гончаров в портретах, иллюстрациях, документах», в 1969 — «Библиография произведений Гончарова и литературы о нем» и «Гончаров в воспоминаниях современников» (составление и комментарий). А. Д. Алексеевым написано более 100 персональных библиографий для двух томов «Библиографического указателя» под редакцией К. Д. Муратовой, ряд статей, подготовлены к печати и прокомментированы письма И. С. Тургенева. Однако, по мнению докладчика, все же этот период можно назвать временем подготовки к главному труду А. Д. Алексеева — к составлению им своих картотек. Начало этой работы следует отнести к середине 1960-х годов. Заведая читальным залом Рукописного отдела, А. Д. Алексеев одновременно курировал картотеки Модзалевских, С. А. Венгерова и др. Вероятно, заметил докладчик, пример этих картотек должен был оказать влияние и на собственную работу А. Д. Алексеева. В заключение выступавший отметил, что А. Д. Алексеев относился к тому типу ученых — подвижников науки, вся жизнь которых отдана служению ей — неблагодарному, бесперывному, кропотливому и внешне неэффективному.

Результатам этого служения — картотекам — был посвящен доклад Н. Н. Лавровой, работавшей вместе с А. Д. Алексеевым над их составлением в последние годы. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сейчас хранятся три картотеки А. Д. Алексеева. Первая — роспись литературно-художественных и историко-литературных материалов по русским журналам Петербурга и Москвы с 1900 по 1918 год (без учета газет). Картотека объемом более полумиллиона карточек имеет свой ключ — картотеку просмотренных и расписанных журналов. Позже А. Д. Алексеев расширил перечень просмотренных журналов, включив в него и те, которые не относились прямо к литературе («Трезвая жизнь», «Воин и пахарь», «Голос извозчика» и т. п.), но могли содержать литературные материалы, а также множество детских и юмористических изданий. К сожалению, слить возникшие два алфавита он не успел, дойдя до буквы «К», как не успел составить полностью список соответствий псевдонимов реальным фамилиям. Картотека состав-

^{*} Некролог см.: Эльзон Михаил. Прощай, честный человек: (Памяти А. Д. Алексеева) // Русская мысль (Париж). Лит. приложение. 1990. 2 ноября. № 11. С. XV.